

ЛИЦОМ К ПРИРОДЕ

Борис ЩЕРБАКОВ

Родился в 1939 г. в г. Усть-Каменогорске. Окончил Усть-Каменогорский пединститут, заочное отделение аспирантуры по специальности "орнитология". В 1985 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Птицы Западного Алтая». Имеет около ста научных публикаций.

С 1985 года член СП СССР, Казахстана. Автор шестнадцати книг. Почетный гражданин г. Усть-Каменогорска и г. Хошимина. Лауреат премий Акима ВКО.

Таежное графство Алтайского заповедника

(главы из новой книги)

Открылось прошлое

Московский геолог Г. Щуровский, проезжая с экспедицией в этих краях, писал, что как только конный отряд их оставил таежную деревеньку Новую (Поперечное) и вышел к долине Белой Убы, к Палевой яме – «За гранитными горами, следовала лесистая долина, составляющая подошву весьма высокого снежного хребта; она вся поросла кедрами, а самый хребет чем выше, тем безлеснее, и наконец превращается, как бы в одну снеговую массу. Это были Тургусунские белки, составлявшие цель нашего путешествия».

За истекшие годы в местности, где прошел профессор, произошли заметные изменения, и в первую очередь сказалось это на «снеговых массах» хребта Ивановского – самого высокого и красивого. На месте слияния хребтов – Ивановского и Ульбинского, представленного Черным узлом, поражали еще недавно масштабностью поля вечных снегов. Но с 1974 года, – самого засушливого во второй половине прошлого столетия, снега стремительно стали терять свои площади. Большие снежные поля сосредоточенные с северной стороны хребта, длинными языками спускались вниз, проникая логами и щелями далеко в лесной пояс и лежали все лето, до новых снегов. Однако, с названного года, они стали стремительно исчезать. Процесс продолжается до сих пор. Исчезнувшие «белки» приоткрыли хранимые ими следы минувших веков на россыпях. Учеными замечено, что происходящая деградация последнего оледенения на Алтае, чутко реагирующая на климатические изменения, происходит уже более 150 лет. Установлено также, что самые крупные ледники Горного Алтая, – соседняя территория Алтая, испытывая фазы прерывистости, отступили на 1000–1500 м и даже больше. Об этом же упоминает В.В. Сапожников в исследованиях древесных пород у верхнего предела распространения. Около одного из ледников, находясь, он писал: «Из этого можно заключить, что ледник достигал холма не раньше 130 лет тому назад и, таким образом, за это время находился в период отступления и главным образом уменьшился в толщину».

Такая же картина, складывается и со снежными полями здесь: в течении лета, они сильно обтаивают с краев. Открытыми оказываются глыбы камней, щебень со следами, когда растущих на этих камнях окончательно теперь созревших мхов и лишайников. В некоторых местах на обнаженных глыбах попадались даже стволы карликовой ивы и полярной березки. Так продолжалось из года в год. Но после засушливого и жаркого лета 1974 года, открылась новая страница, демонстрирующая заметное изменение: обнажились, камни, на которых не было ни каких следов жизни. Они, по всей вероятности, обнажились в первый раз со времени последнего оледенения, имевшего место на Алтае около 10 тысяч лет назад. С того времени, сценарий глобального потепления развиваясь, продолжается и сейчас. Теперь, в начале XXI века, а точнее, с 2005 года очевидным стало, полное исчезновение летом снегов по всему хребту, которые прежде еще безмятежно белели с весны до осени. Очевидно, что потепление коснулось на наших глазах «древней белой книги» – эпохи оледенения. Со середины 80-х прошлого столетия, в первую очередь исчезли малые пятна вечных снегов. Крупные поля окончательно стаивать стали, меняя коллаж горных высот в последующие годы, привычная пестрота гор исчезла. Лишившись снегов, хребты в конце лета стоят потемневшими. Кстати заметить, что больше всего снега выпадает на Алтае, на юго-западных склонах хребтов, которые, как известно, первыми перехватывают влажные воздушные массы идущие с Запада. И как результат – самый высокий снежный покров на западном Алтае отмечается опять-таки по юго-западным склонам передовых хребтов... В течении зимы снег перевивается на склоны северной стороны, образуя присклонные снежники и ледники. На Ивановском хребте, на высоте 1600 м, снега, по данным прежних лет, достигают толщины более 3-х метров, на Холзуна, с его подветренной стороне и того больше – до 8–10м.

По протяженности снежники в восточной, высокой части Ивановского хребта, в пределах заповедника, достигали в длину до километра и более, при ширине до 50-60 метров. Веками они питали многочисленные, стекающие ручьи и речки. Но уже с конца 90 – х годов прошлого века и в начале 3-его тысячелетия, самые крупные сильно уменьшились, утратили прежние очертания и частичное оледенение. Более того, в 2005 году Ивановский хребет у Риддера, и на территории заповедника, совершенно лишился снежного покрова. Небольшие пятна и полосы снегов сохранялись до конца лета только у Туругуснского перевала, и, на северо – западной стороне крутых склонов пика Выше-Ивановского – самой высокой точке Западного Алтая. Еще сохранившееся до начала сентября пятно снега отмечено в этом же году, на высоте около 2500 м, по западному склону Холзуна, входящей в территорию заповедника. В следствии происходящих климатических изменений, слово «белки», с которым веками неотъемлемо связано было существование алтайских гор, утрачивает для населения изначальный смысл. Никто теперь не стал бы называть горные, бесснежные вершины – белками. Вероятно утратит прежнее название и хорошо известное здесь растение – «белошный корень». Речь идет о копеечнике южно-сибирском, который, как и золотой корень, как бадан, используют для заварки чая и в качестве лекарства. Лишаясь летних снегов, хребты утратят прежнее величие, суровость и красоту. Хребты становятся бесснежными, и вместо «белков» каменистое одеяние россыпей будет однообразно укрывать серыми плащами вершины и горные склоны. Это удивляет и омрачает, подчеркивая быстротечность происходящих процессов глобального потепления.

Гипотезы Ф. Тейлора и А. Вегенера и русского ученого-самоучки Е.В. Быханова, разработавшие теорию мобилизма, связанную с дрейфами континентов, пробивавшие сквозь тернии скептиков путь к признанию в ученых кругах почти полвека, подверженные нападкам скептиков, считающих самым надежным методом, подвергать все и всегда сомнению. В одном из авторитетных журналов 70-х прошлого века, писали журналисты и ученые по этому поводу, мол «поживем, увидим» – дрейфуют ли континенты. Это отношение их выражало полное недоверие к происходящему процессу, и тем более отсутствием уверенности из-за невозможности зафиксировать явление дрейфа в течении

жизни поколения. В космос вскоре же полетели спутники оснащенные чуткими приборами и благодаря космическому землеведению – на разных континентах установили в определенных точках «зеркала», по которым и зафиксировали перемещение смещенных лучей отражения – континенты «плывут», оказывается со скоростью роста наших ногтей. Теперь мы к тому, что считалось вчера «сумасбродной идеей», привыкли уже к потрясающему открытию и воспринимаем это, как само собой разумеющееся. В этом факте усматривается параллель – в фактах связанных с глобальным потеплением: за три десятилетия, снежные массы, придающие величие хребтам Алтая на глазах, что называется, стали исчезать. Теперь там, где, со времен последнего оледенения белели да последних лет снега, оказались на поверхности оголенные материнские породы – куски разноцветных гранитов, сланцев... На камнях этих, как говорилось – ни мхов, ни лишайников. С ледовой эпохи не заселялись они даже «пионерами» среди растительного мира. Другими словами – минувшие тысячелетия не видели они ни солнца, ни ветра, и тем более какой – либо жизни.

В связи с происходящим потеплением, вызвавшим исчезновение снегов, поверить трудно, что тридцать лет назад на том же Ивановском хребте и Холзуне, снежники тянулись на сотни метров спускаясь до 1700 – 1600 м. Теперь они бесснежны и солнцу открылись обломки древних скал – красноватые, серые, зеленоватые, полосатые, темные... Около них образовался, так называемый, рухляк, служащий материалом для формирования минерального субстрата, так как в рухляке активизируются процессы окисления, набухания и хорошо растворимые вещества. Однако это еще не почвы – в них нет азота, который появляется в результате жизнедеятельности растений и микроорганизмов. Поселение растений – пионеров, развитие, перегнивание позднее даст начало почвообразованию, формированию органических масс – почвы дающей питание для других, более организованных растений.

И каждый клочок земли – есть отражение истории прошлого. Это наглядный урок обживания планеты растениями. Камни и дресва, где тысячелетиями лежали снега, уже обрастают лишайниками, мхами и скоро на смену им придет и другая альпийская растительность.

«Ожившие» камни первыми освою паукообразные, способные стойчески переносить экстремальные условия высокогорий. За ними появятся на этих россыпях – гималайские завирушки, приспособленные жить в подобных биотопах. Спустя годы, россыпи окажутся задернованными, – появятся пастбища для тундряных куропаток. И, как следствие, – уменьшится количество стекающих с гор мелких ручьев, а это значит станет меньше проточных болот и ручьи и речки, обмелеют и пересохнут.

У Черного Узла

Одолев подъем прямо по снежнику к перевалу, оказываешься в одном из самых замечательных мест заповедного угла. Перевал покрыт сплошными гольцами. В лицо бьет ледяной ветер, несущий запах снегов, сырости и неподвластной ни кому воли. Воздух прозрачен до такой степени, что за сотни километров видны задымленные сизой дымкой хребты с шапками снегов наброшенных на синеватые россыпи. «Какой обширный горизонт! Все соседние отдаленные хребты видны на огромное пространство. С первого раза совершенно теряешься между этими повсюду волнующимися снежными громадами, и только исподволь начинаешь различать их» (Г. Щуровский, 1846 г.). Такое впечатление произвели на московского геолога горные дали, когда отряд их вышел на этот самый перевал. Но взгляд упирается в гребнистый и острый пик Черного узла. В названии «Черный узел» уже кроется нечто притягивающее – грозное и, вместе с тем, мощное, настораживающее.

Высота водораздела достигает более 2300 м. Низкотравная тундра клочками едва покрывает угластые обнажения россыпей, словно оказался на голых берегах далекого

севера. Остроконечный гребень узла на фоне снегов забивших щели и трещины скал, выглядит черным. Впечатление облик его производит дикой, первозданной мощи, ни чем не связанной с настоящим, отражая всем своим видом таинственное, геологическое прошлое. Узел могуч и исполнен особой, необъяснимой силы. С угластых, щербатых вершин его стекают потоками россыпи. В нем самом заключена какая-то фантастическая сила и особая, неприступная красота. Этот угол на Западном Алтае является главным возбудителем непогоды: бесконечно здесь идут дожди, часты снегопады или град и тут же обсушенный солнцем, полотенцами пушистых облаков утертый узел остается по-азиатски, смуглым и загадочным..

Именно он, Узел венчает громаду черно-белой горной дуги восточной оконечности Ульбинского хребта, при слиянии с хребтом Ивановским. Это он стягивает могучие горы в каменный узел. Воздвигнутый подземными силами монолит массива возвышается громадным, черным кристаллом с прожилками и пятнами снега; взлетел и застыл, спаяв два великих хребта. Вершина его, поднявшаяся на 2500 м впечатляет еще и потому, что у подножья его, с северо – западной стороны, простирается глубокая, с покатыми бортами долина.

«С этого разлома Ульбинский хребет превосходно виден со всеми снежными его конурами; некоторые из них в виде тонкого полупрозрачного флера опоясывались туманами и облаками, а самые высокие, прорезав облака, красовались над ними своими блестящими острыми вершинами. Не смотря на ненастное время, они были чрезвычайно живописны, и казались в весьма близком от нас расстоянии, в самом же деле находились очень далеко» (Щуровский, 1944).

На дне глубокой и широкой корытообразной долины, серебряной жилкой, сбегаящий с верхнего склона, пульсирует Большой Тургусун. Долина Тургусунская разделяет Ивановский и Ульбинский хребты. С вершины перевала отлично просматривается в верхнем ложе долины, зеркалами блистающие два небольших озера, – Верхнее и Нижнее Тургусунское. Играя блеском солнца, вытекающая из него речка с высоты водораздела, выглядит безобидным, шелковистым ручейком. Оставив верхнее озеро и, сбегав по склону, он тут же впадает в другое, расположенное ниже – Нижнее озеро. И потом уже бег продолжает по днищу этой гигантской впадины и потом только скрывается за мощным изгибом правого берега, образованного крутым спуском Ульбинского хребта. Дальше, бурный уже Тургусун течет глубокой и узкой долиной на восток, собирая слева и справа многочисленные ручьи и речки на протяжении 80 – и километров. Встретив на пути Малый Тургусун, который огибает узел с восточной стороны, они рождат известный всем, неукротимым нравом, просто – Тургусун.

С перевала истоки реки не видны. Но, после слияния двух быстрых рек мощь водного потока удваивается, и этот, еще более напористый бег воды, обратившись в бурный водопад. Течет он горами до слияния с рекой Бухтармой и сливается с ней несколько выше впадения ее в Иртыш. Однако, вместо русла бывшего Иртыша, здесь плещется один из «рукавов» громаднейшего Бухтарминского водохранилища. Сама Бухтарма берет начало на Южном Алтае в районе плато Укок, в пограничной части с Россией. Ближине реки «Тургусун» с древнетюркского переводится – «Быстрая река», в чем не приходится сомневаться. Видеть нужно, как с верховий до устья, одолевая теснины и приливы, с общим перепадом от верховий до Бухтармы, в 1730 м, он, не божит, а летит с величавых горных высот. Кто видел и слышал, с каким шумом носится его пенный, брызжащийся хрусталем воды, прыгая и резвясь на перекатах, как волны его набрасываются на береговые камни и скалы, согласиться, что Тургусун – река горячая, река – скалочной красоты.

Прежде все эти горные вершины называли Тургусунскими балками. Григорий Щуровский, писал: «Западною своею оконечностью Тургусунские балки прилегают к Ульбинским и составляют с ними один хребет, разделяющий воды Иртыша. Восточным концом они соединяются с Холзуном, и в то же время отбрасывают от себя высокие цепи».

на северо-запад, которая почти упирается в Тигерекские горы: это Коксунские белки, которые с Холзуном разделяют воды Оби и Иртыша». И еще, пишет он: «За гранитными горами следовала лесистая долина; она вся поросла кедрами, а самый хребет (хр. Восточная оконечность Ивановского хребта, авт.) чем выше, тем безлеснее, и наконец превращается как бы в одну снеговую массу. Это были Туругсунские белки». Кстати и заметить: при описаниях этих гор, на этих высотах, Г. Щуровский постоянно подчеркивает обилие снегов: «Проводники, разведав все знакомые им места, объявили нам, что путь этот в нынешнем году весь завален снегом, и что по нем можно пробраться только на лыжах». Заметим, что время было – 25 августа, когда только начинаются в наше время здесь ночные заморозки, а снега выпадают на горных вершинах примерно со середины октября. Исчезновением снегов, приходится теперь подтверждать и описаниями путешественников прошлых лет, точнее веков. И теперь в летнее время, до самого подножья, хребет совершенно бесснежный, и только отдельные «лепешки» его, приклеены к голым россыпям северных спусков Тургусунского перевала и Черного узла.

Острые вершины узла, с профилем грозного монстра, изрезанного складками, с оставшимися с зимы снежниками, придают особую дикость и без того дикому углу Алтая. Острые скалы, вонзающиеся в голубые полотна небес, рвут на куски летящие облака и время от времени меркнут в дождевой пелене или достают почти до звезд ясными ночами. Расплавленное серебро озер в лунные ночи, оставляет неизгладимое впечатление у каждого кто здесь побывал...И если в кои века, здесь будет проходить экологическая тропа для туристов, то у Черного узла, нужно заночевать, конечно, в уютном, вписанном грамотно в горный ландшафт, коттедж. И тогда все труды желающих видеть красоту дикого Алтая, вознаграждаются сполна. Черный Узел – каменное сердце Западного Алтая, – символ его могущества, красоты и суровости.

Однако, Черный узел редко свободен от туманов и облаков. Прилежными слугами они одевают его с разных сторон и он, как изнеженное дитя, исчезает в призрачных одеяниях непогоды. Переменчива здесь погода; спустя некоторое время он вновь появляется из небытия, но уже в других, мрачных красках. Но и это все ненадолго...

Именно здесь, у Черного узла находится фронт и сражения романтических облаков и тяжелых, перегруженных влагой, исполненных желанием пролиться холодным дождем или осыпаться градом, мрачных туч. Узел, подобно всемогущественному Зевсу – главе Олимпа, владеет небом – своим домом, где небо переходит в тончайший эфир, посылая ярость молний громовые раскаты на грешную землю...

Этот горный феномен – дерзкий очаг непогоды: почти ежедневно льют летом дожди, переходящие в «крупу» или в град, да такой град, что кажется кто-то беспощадно лупит про тебе из рогатки, от градин появляются синяки и всплывают шишки. Как нигде в другом месте, здесь наблюдается смешение черных и белых облаков и туч и тогда в небесной мешанине рождаются густые, непроглядные туманы. Рядом же, над долинами и соседними вершинами безукоризненно стоит солнце. Горы, пересыщенные влагой, обласканные теплыми лучами при появлении солнца, активно дымят растущими вверх столбами и дымными кострами исходящих от них испарений. Но через час или менее, долина вновь пропадает в бушующих над ней облаках и туманах.

И так большую часть времени Черный узел тонет в кромешной мгле почти постоянно-го ненастья. Однако, когда он, подобно привидению, выплывает из мрачного ада облаков, кажется еще более еще неземным. В некоторые засушливые годы, днями и неделями в подножье его, чисто и свежо блистают озера, отражающие остроносый его профиль.

Здесь, где тысячелетиями находятся в летаргическом сне молчаливые скалы и осыпи, с пятнами грязного снега, малейший шорох свалившегося камешка, слышен за сотни метров. Особая, напряженная до предела тишина, таится около его обители, как перед сильной бурей. Кажется еще, какой-то миг, и все это царство грозного безмолвия взорвется и полетит все в тартарары. С обрывов падающие камни либо куски скал, изгоняют тишину и шорохами, и глухими вздохами.

Но по альпийским лугам восточного склона, круто уходящих к долине Тургусуна, в ясные дни, слышны пересвисты серых сурков. Голоса их простреливают километры горного воздуха и слышны как в пустом храме. По россыпям остроугольных осыпей скачут алтайские пищухи; с высоты перевала часто можно видеть семью – другую, бродящих медведей. Захватывающими картинами обширнейшей панорамы у Черного узла можно любоваться часами, открывая новое все и волнующее.

Самый, самый...

Нельзя не сказать отдельно о самом замечательном, красивом и высоком хребте Ивановском. Главная точка его – Выше-Ивановский пик – достигает высоты 2877 м. Занимает хребет центральное положение в системе гор Западного Алтая. Учитывая обильное разнообразие красочных и безлюдных еще сохранившихся в первозданном облике, не изурнанных человеком ландшафтов, обозначенных уже экзотикой нашего времени, о его, в сто километров протяженности и богатейшего растительного мира, также – фауны., Горный гигант, коронованный гребнями скал, является центром уникального средоточия специфических территориальных особенностей Рудного Алтая. Проще говоря, хребет является настоящим эталоном в ряду других хребтов, с богатейшим спектром природного разнообразия, северной красотой его высокогорий. Не случайно, что путешественники прошлого, бывая в Риддере, стремились побывать именно на нем, на Ивановском и восходили прежде всего на гору Крестовую (2200м), возвышающуюся напротив самого города Риддера.

На всем протяжении, от слияния рек Ульбы с Малой Ульбинкой на западе и до хребта Холзун на востоке, он, набирая мощь и высоту, вбирает в себя также разнообразие растительных формаций – от сухих ковыльно-типчаковых степей до таежных лесов и субальпийского высокоотравья, до горных тундр и нивальной зоны, где вечно покоятся снега и льды.

Восточная половина хребта, отделенная от западной глубоким Громотушинским ущельем, называется Ивановским белком. Под «белками» на Алтае подразумевают вершины, покрытые вечными, «белыми» снегами. Эта часть хребта Западного Алтая – самая высокая и в этом звене хребта сосредоточены и другие высшие точки. Усложненный рельеф, представленный скальными пиками, глубокими долинами, ущельями с лесами, альпийскими лугами, озерами, цирками, россыпями с бесчисленными ручьями и речками, производит неизгладимое впечатление, поражая, при этом грандиозностью обширных россыпей обломочного камня – «корумов», которые в литературе называют гольцами, от слова «голый» – голые камни. Величие и мощь Ивановского хребта дополняют в ясные дни, громады плывущих облаков, белыми стадами парящих над его вершинами. Либо, это тучи карабкающихся по крутым, лесистым склонам, либо дремлющие они у чернеющих скал. В такую погоду, что не часто, горы открытые от туч, окружены воздухом необычайно прозрачным и сквозь далекие дали, на десятки километров видны на нем отдельные камни и деревья. В такую погоду, словно забывшись, горы предстают в красивой наготе, прикрытой кольчугой серых россыпей. Ниже их стелется бескрайнее одеяние тайги, мрачной и строгой.

Большей часть вершины белка имеет волнистую, наклонную поверхность – уходящую покато на южную сторону, к долине Громотухи. Платообразная, легка покатая поверхность водораздела в восточной части его, выходы скал, россыпи и кары – архивный материал, с которого можно считывать информацию тогда воображению откроется все прошлое связанное с его о их происхождении. Такого рода вершины хребтов называют пенепленами. Приподнятые на 2-е тысячи метров плиты, сформированные в мезозое – в период относительного геологического покоя, длившегося от 230 до 160 млн. лет, когда на земле господствовали гигантские ящеры, и появились предки ныне существующих

растений и животных. Мезозой сменяет альпийская – эпоха, сопровождаемая активным горообразованием. В это время территории современного Алтая, подверглась коренной, глубинной перестройке: дремлющие тектонические силы, теперь, взламывают застывшую прежде поверхность коры и, подобно кускам и глыбам льда, вздымают наклонно, образуя горные поднятия, которые мы встречаем по всему Алтаю. Эти самые, в прошлом выровненные участки, поднятые на тысячи метров, подобные наклонным крышам и одевают вершины хребтов. Известный исследователь Алтая, – Н.Л. Бубличенко, бывая здесь, писал: «На Ивановском белке около Лениногорска (Риддер, примечание автора) на вершине нет остроконечных скал, а простирается слабо всхолмленная равнина, по которой хоть на телеге ездят». Такие же слегка покатые вершины простираются на территории заповедника от верховий Громотухи к Черному узлу и также к истокам речки Барсук – до самого Холзуна.

По этим площадям, с округлыми вершинами, покрытыми сплошными россыпями без растительности, сосредоточены пятна и ленты горной тундры. Россыпи же, местами, стекают вниз на километры. Ими завалены ущелья, рассекающие серыми шлейфами темнохвойный полог тайги.

Одной из замечательных особенностей хребта является и то, что вдоль серии вытянутых вдоль его водораздела округлых вершин, которые обрываются с северной стороны, к Риддерской долине, сосредоточено множество небольших, подпрудных или каровых озер, почти идеально округлой формы. Над озерными чашами с обрывов и скал, стенами опускающихся к ним, свисают приклеенные, словно, снежники. Зимой ветры в них наметают снега и здесь образуются реликтовые леднички.

Карлики и «гиганты»

На высоких вершинах гор, на пиках и перевалах, – «ближе» к звездам, как говорится, больше все открывается другой, непривычный мир. Под облаками и выше них, оказываясь, будто как в стране великанов, так и лилипутов. Выше 2400м над уровнем моря, растут деревья ивы, «высотой» – ниже спичечного коробка. Это арктические ивы – мелкий вид среди древесных сородичей. И все здесь наоборот: стволы ее тонкой проволокой лежат на сырых мхах, прошив корешкам мхи и каменистую почву; соцветия – сережки, распустившись, одевают желтоватые тычинками и сережки, приподнятые выше ветвей и ствола. Отцветая, одевают «заячий» мех и тогда белыми свечками встанут над щетиистой, зелено – травной тундрой. Ивы хорошо выделяются на подушках мхов и среди крошечных кустиков скальной осоки. С виду альпийцы ни чего не представляют собой, а вот корешки их крепко, клещами вцепились в грунт. Не страшен им напор ветра и прочие невзгоды, на которые они здесь обречены. Растения, как кажется, не готовы к суровым высокогорным условиям. Спасают их биохимические и физиологические внутренние силы: плазма их клеток морозоустойчива – много сахаров, и там, где другим растениям не выстоять, былинки их и цветы, полные нежности и хрупкости выживают, как натренированные альпинисты. В сравнении с другими растениями, у этих растений активное дыхание и происходит быстрое восстановление их клеток после заморозков и прочих невзгод. Поэтому, находясь в зеленом пламени этой жизни, перед божественным его огнем испытываешь благоговение. Надо же, иметь такое мужество, чтобы молча выстоять под плетью безжалостно бьющих ветров, не испугаться убийственных заморозков и промозглых дождей.

На оголенных вершинах, выровненным площадям, обычны также копеечники – альпийский и южно – сибирский. Первые, с началом холодов во время наступающих оттепелей, служат лучшим кормом медведям. Звери перед залеганием в берлоги и после зимней спячки выходят на вершины и кормятся его корешками. Второй называется местными жителями «белочным» или «белошным корешком» из-за того, что растет

на «белках» Корень его считается тонизирующим и лечебным. С точки зрения приспособляемости и этот копеечник хорошо адаптировался в высокогорных условиях – надземная часть его не велика, в сравнении с подземной. Корни старых кустов достигают трех-пяти метров и весят до десяти и более килограммов. Чтобы их выдернуть прибегают к помощи лошадей: привязывают корень к основанию хвоста и лошадь вытягивает многометровых «удавов». Питательные вещества корней обеспечивают существование растений в условиях, так как в случае особо экстремальной ситуации растения питаются запасами – происходит, как бы, самоедство.

По западинам, около валунов на поверхности среди тундры, растут также приземистые кустики кедрового стланика. Росточком-то они с вершок, но это уже дерево и даже в возрасте. Просто и не скажешь, сколько ему: кто считал? Но уже десятка два-три, точно, не меньше или более того. На продуваемых, студеных вершинах, за предельно короткое лето, прирост дерева в один сантиметр – большая роскошь. Поэтому счет идет на миллиметры. По этим же законам живут заросли полярной березки, тоже крохотульки. Листочки у них округлые, по краям – резные, походят на монетки, да еще стволы их украшены сережками. Оказывается эти «березы» – тоже в возрасте. Здесь же, если прилечь, можно разглядеть абсолютно маленькую, неприметную, стойкую к экстремальным условиям травку с красивым и странным названием – сиббальдия. Растение на столько мало. Что кажется приклеенным к земле маленькой собранной из заостренных листочков, розетке. Цветы «впечатляют» – желтым огоньком светится размером со спичечную головку. Но она прекрасно живет тоже здесь. Приспособилась – ветром не сдвигается. Остается «незаметной», не высовывается. Все здесь, как среди людей: если маленький – веди себя скромно, не показывайся, не то ветры с разных сторон и вершин – не пощадят, не посмотрят на хрупкость и изящество, сметут...

Крошечные и низенькие травки и деревья вызывают умиление и удивление. Но встреча с плотными растущими букетами крупноцветковых генциан, – напротив, вызывают преклонение перед их красотой. Высыпки их стоят на самых оголенных, покрытых мелкой щебенкой местах, подверженных вместе с куропаточьей травой студенным, верховым ветрам. Смотрят синие их граммофоны в глаза, прикасаясь прямо к сердцу. Цветы генциан без стеблей, и кажется, что стоят на земле. А вокруг, если присмотреться, распластаны воротнички малозаметных листочков. Генцианы – красота и гордость природы высокогорья. Быть бы ей символом любви и красоты, а не серым, шерстистым эдельвейсам, а им – генцианам крупноцветковым.

По мелко-щебнистым тундрам, покрывающих плоские вершины, на перемытой дождями и продутой ветрами щебенке, где зацепиться, казалось бы, не за что, – зеленеют коврики куропаточьей травы. Резные листочки их «лежмя» лежат на камешках. Ветра боятся. Цветок – белая звездочка, с желтой начинкой. Поднимет куропаточья трава, над поверхностью цветок едва, и спешит отцвести, да кудрявые локоны пуха с семенами пустить по ветру. Важно успеть за короткое здесь лето. Летучим семенам, найти нужно такие же, ни кем не занятые плешины и укорениться, пока ветры не унесли дальше, в неизвестность.

Но парадокс растительного мира высокогорий заключается еще и в том, что, что над ивами и березками, колоколами повисли на как проволоках – стеблях, сернисто-желтые цветки мака полярного или голостебельчатого. Удивительный он: нежные, словно из папиросной бумаги кремовые лепестки его похожи на пламенеющий венчик, который, как кажется, вот-вот, погаснет при первом же порыве ветра. А он не боится ни черта, ни ветра, ни снегопадов, ни заморозков – вот уж настоящий полярник. Потому и называется полярным, там где-то формировался, потом, во время наступающих льдов прикочевал сюда.

По углублениям, низинкам, где не столь резкий ветер, поднялись трехреберники, цветы их напоминают крупные ромашки. Тут же, с ними, полыхают огнями солнца – зарослей дороникума алтайского. Цветы походят на зонтики подсолнечника. Стоят и

с высоты своего роста взирают на деревья – карлики, на травы – л илипуты. Где это видно, чтобы травы были выше леса? Здесь, только здесь – на горных высотах не только травы, но и сам становишься великаном. Как не почувствовать себя громадным, если наравне с тобой, а то и ниже облака кочуют, ветер здесь как с равным прямо в лицо и в грудь, дует Идешь, а горные вершины и гребни внизу где-то, под ногами. Старые кедры и ивы, которым в правнуки гоюсь, здесь древнее всех известных нам предков, а стоят тоже карликами – по щиколотку, не выше. Прячутся они за камнями, сбежали в низины и только здесь поднялись чуть ли не до колена(!).

Сколько не ходи по тундрам, удивление не проходит; не устаешь любоваться подоблачным миром гор под коврами альпийских трав, синеющими пиками, с громадными, уходящими в небо «друзьями», скальными обнажениями. Впечатляют также серебристые пряди речек, сбегающих с вершин и пропадающих далеко внизу, исчезающих под пологом черной тайги..

